

1048–1131

Его гений был столь же масштабен, как у Леонардо да Винчи. Его научные открытия опередили время, как и его стихи. Его рубаи — то задумчиво-философские, то лукаво-насмешливые, то язвительно-дерзкие — искрятся и пеняются смыслом, словно молодое вино; и к этой чаше мудрости люди припадают уже много веков, чтобы заново понять и почувствовать, как быстротечна жизнь, сколь велика ее ценность и как горько растратить ее на то, что недостойно высокого звания человека, данного нам природой.

классика в кармане

О. ХАЙЯМ

классика
в кармане

Рубаи

«Великий гуманист Хайям прославляет красоту, любовь и духовное величие человека... Он воспевает мир во всех его красках... Вся [его поэзия] проникнута оптимизмом и утверждает любовь к жизни... В этом — залог ее бессмертия».

В. В. Державин

*На розах блистанье росы новогодней прекрасно,
Любимая — лучшее творенье Господне — прекрасна.
Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?
Забудем вчерашнее! Ведь наше Сегодня — прекрасно.*

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

классика
В
кармане

О. ХАЙЯМ

классика
в кармане

О. ХАЙЯМ

Рубаи

Рубаи

*классика
в кармане*

О. ХАЙЯМ

Рубаи

Москва

УДК 821.22
ББК 84.5-5
X15

Проект Д. Е. Веселова

Вступительная статья: *Г. К. Честертон. Омар Хайям и лоза виноградная*
Переводчик *Н. Л. Трауберг*
Составитель *А. Ю. Балакин*

Составитель биографического очерка *А. Ю. Балакина*

Печатается по изданиям:

Гулиа Г. Сказание об Омаре Хайяме : роман. —
М. : Молодая гвардия, 1975. Русская мысль. 1910. № 4
Литература Ирана X–XV вв. Сб. 2. Восток. — М., Л. : Academia, 1935
Омар Хайям. Любовный напиток : Рубаи. — СПб., 2010
Омар Хайям. Рубаи. — М., 1972
Памяти П. Н. Сакулина : сб. статей. — М., 1931
Таджикская поэзия. — Сталинабад : Гос. изд-во Таджикской ССР, 1949

На 1-й странице обложки: Реза Джахангир Шах.

«Миниатюрное изображение знатного монгола верхом»

На 4-й странице обложки: памятник О. Хайяму в Туркменистане
Иллюстрации — миниатюры Мирзы Али и неизвестных авторов XIII–XVII вв.

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

ХАЙЯМ Омар
Рубаи

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутикий*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залпаева*

Подписано в печать 25.10.2012. Формат 76x100/32.
Усл. печ. л. 8,44. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.
Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

- © А. Ю. Балакин, составление, 2012
- © Н. Л. Трауберг, наследники, перевод на русский язык вступ. статьи, 2012
- © В. В. Державин, наследник, перевод на русский язык, 2012
- © И. Л. Сельвинский, наследники, перевод на русский язык, 2012
- © Г. С. Семенов, наследники, перевод на русский язык, 2012
- © Hemigo Ltd, 2012
- © ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа Москва АО», 2012
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-501-6 (БММ)
ISBN 978-966-14-4686-0 (КСД)

Омар Хайям **Биографический очерк**

Омар Хайям, классик персидско-таджикской поэзии, великий ученый Средневековья, философ, математик, астроном, родился в 1048 году в городе Нишапуре на востоке Ирана в провинции Хорасан.

Он был сыном палаточника — мастера, изготовлявшего палатки, что и отразилось в его имени, а точнее прозвище, образованном от слова «хайма», что значит «палатка». В восемь лет, как гласит легенда, он знал наизусть Коран, а в двенадцать стал учеником медресе в Нишапуре, где блестяще изучил мусульманское право и курс медицины, получив квалификацию врача. Однако позже медицине он предпочитает занятия математикой и астрономией. Когда юноше исполнилось шестнадцать лет, жизнь послала ему первый жестокий удар: во время эпидемии умерли его отец и мать, после чего он продал отцовский дом и мастерскую и отправился в Самарканд, крупнейший в те времена научный и культурный центр на Востоке. Сначала Омар также становится учеником медресе, но после того, как он неоднократно выступает на диспутах, поражая всех своими познаниями и ученостью, его делают наставником. Еще через несколько лет он переезжает в Бухару, где начинает работать в книгохранилищах. За десять лет, проведенных в Бухаре, Хайям пишет свои главные труды по математике, которые дошли до наших дней: классический трактат по алгебре «О доказательствах алгебраических проблем» и «Комментарии к трудным постулатам книги Эвклида». Многие математические решения Хайяма, забытые на Востоке, спустя века были вновь открыты европейскими учеными: так, Хайям предложил формулу, по которой извлекаются корни из целых чисел, сегодня она, по сути, известна как бином Ньютона. В своих сочинениях он излагает алгебраический метод

решения квадратных уравнений и развивает геометрический метод решения уравнений кубических. На основе астрономических наблюдений и собственной системы подсчета Омар Хайям предложил календарь более точный, чем юлианский и даже григорианский, который пять столетий спустя, как известно, будет введен папой Григорием XIII. Календарь Хайяма, который был на 7 секунд в год точнее действующего, по некоторым свидетельствам, употреблялся в ираноязычных странах, но широкого хождения не получил. Слава Хайяма как ученого, распространившись по всему Ирану и Средней Азии, была необыкновенно велика, даже противники признавали, что в математике и астрономии ему не было равных. Многие феодальные правители звали его ко двору. По приглашению сельджукского визиря Низам ал-Мулка Хайям переезжает в Исфахан, столицу Сельджукского государства, где в 1074 году занимает место астронома при дворе султана и руководит крупнейшей дворцовой обсерваторией (в эти годы он и работает над реформой календаря и составляет знаменитые астрономические таблицы). Но в 1092 году могущественный покровитель Хайяма Низам ал-Мулк умирает, и для ученого наступают тяжелые времена. Его научной деятельности мешают недоброжелатели, обвиняющие его в вольнодумстве и безбожии, а поддержки двора он лишен. Последние годы жизни он провел в скитаниях, возвратившись в родной Нишапур перед кончиной. Говорят, незадолго до смерти, читая труды Абу Али ибн Сины, известного нам как Авиценна, Хайям почувствовал приближение своего последнего часа. Он отложил книгу, позвал близких и учеников, объявил свое завещание и более уже не принимал ни еды, ни питья. Он вознес молитву, призывая Аллаха его простить и говоря, что по мере сил старался познать Его и вот к Нему приблизился, — после чего умер. Произошло это в 1131 году. Говорят еще, что однажды во время пира великий Хайям сказал, что могила его будет расположена в таком месте, где каждую весну ветерок будет осыпать его цветами. Так и вышло: грушевые и абрикосовые деревья росли вокруг места, где был похоронен величайший ученый и поэт, и уголок этот напоминал райские кущи.

Но как бы ни была велика известность Омара Хайяма как ученого и философа, с его научными трудами знакомы лишь специалисты, а главным его наследием остаются для читателей всего мира рубаи, отлитые в чеканную форму четверостиший. Вплоть до XIX века, когда Хайям был открыт европейцами, его

поэтическая слава уступала таким именам, как Фирдоуси, Саади или Хафиз. О гении Хайяма-поэта заговорили после появления в Англии в 1859 году переводов Эдварда Фицджеральда, составивших поэму под названием «Рубайят». Стихи Фицджеральда, однако, не были точными переводами, а скорее поэтическими вариациями на мотивы хайямовских рубаи. Но именно они положили начало триумфальному шествию по миру собранию четверостиший, многие из которых заучиваются читателями и поклонниками наизусть, ибо в них говорится о том, что волнует каждого: о жизни и смерти, вере и неверии, любви и счастье, скоротечности жизненного пути и неизвестности, что ожидает после... Ученые-востоковеды, которые принялись изучать творчество поэта, столкнулись при этом с серьезной проблемой: какие тексты можно считать оригинальными и сколько из них можно приписать самому Хайяму, ведь ни один из его современников не оставил упоминаний о том, что тот сочинял стихи. Рукописи с записями рубаи появились спустя два века после его смерти, и вопрос о подлинности поэтического наследия Хайяма во многом остается не решен и в наши дни. Различные ученые-востоковеды называют разное число четверостиший, которые могут принадлежать Хайяму, — от двух десятков до полутора сотен. Однако, как пишет один из современных исследователей творчества знаменитого персидского поэта Р. Ш. Малкович, «хотя мы не можем и, скорее всего, никогда не сможем сказать, какие именно четверостишия принадлежат Хайяму, а какие — нет, тем не менее мы имеем все основания назвать эти четверостишия, или большинство из них, хайямовскими четверостишиями, подразумевая под этим дух свободомыслия, философской содержательности, юмора и иронии».

А. Ю. Балакина

Г. К. Честертон

Омар Хайям
и лоза виноградная

Так называемая новая нравственность не без ярости вцепилась в проблему пьянства. Энтузиасты не знают покоя — от тех, кто выдворяет людей из ресторана в 12.30, до пылкой дамы, которая крушит топором американские бары; но все они почти всегда признают, что пить можно в одном-единственном случае: для подкрепления, как пьют лекарство.

С этим я не соглашусь ни за что на свете. Пить безнравственно и опасно только в том случае, если выпивка для вас — лекарство. И вот почему. Если вы пьете для удовольствия, вы гонитесь за чем-то редким — ведь пока вы в здравом уме, вы не ждете, что каждый час принесет вам удовольствие. Если же вы пьете для здоровья — вы стремитесь к вещи естественной; к тому, что вам положено; к тому, без чего вы действительно не можете обойтись.

Тот, кто познал искушение экстаза, еще может устоять; но вряд ли устоит тот, кто познал искушение нормальности. Представьте себе, что вы даете человеку волшебное снадобье и говорите ему: «Прими, и ты перепрыгнешь памятник!» Без сомнения, он примет и перепрыгнет, но вряд ли он начнет прыгать день и ночь на потеху согражданам. А вот если вы дадите снадобье слепому и скажете: «Прими, и ты увидишь», искушение окажется много, много сильнее.

Как сможет он удержаться, заслышав цокот копыт или пенье птиц на рассвете? Не так уж трудно отказаться от развлечения; почти невозможно отказаться от неперемennого условия нормальной жизни. Всякий врач знает, как опасно давать больным алкоголь, даже для подкрепления сил. Я совсем не хочу сказать, что, по моему мнению, нельзя дать больному для бодрости глоток вина. Но мне кажется, что гораздо естественней и несравненно полезней давать его здоровым просто так.

Здравая точка зрения на выпивку покажется парадоксом, как и многие здравые мнения. Пейте от радости, но никогда не

пейте с горя. Никогда не пейте, если вам без этого плохо, — иначе вы уподобитесь серолицему подонку. Пейте, когда вам и без того хорошо, и вы уподобитесь веселым крестьянам Италии. Не пейте потому, что вам надо напиться, — это разумное пьянство, оно ведет к смерти и аду. Пейте потому, что вам не нужно, — это пьянство неразумное и древнее здоровье мира.

Несколько десятилетий лежит на английской словесности славная тень восточного поэта. Перевод Фицджеральда вобрал в себя, сконцентрировал весь темный, пассивный гедонизм нашей эпохи. О литературных достоинствах этой книги говорить не стоит — мало на свете стихов, в которых с такой силой соединились бы веселая колкость эпиграммы со смутной печалью песни.

Но о ее философском, этическом и религиозном влиянии, которое не меньше ее литературных достоинств, я бы хотел поговорить, и, признаюсь, отнюдь не в мирных тонах.

Многое можно сказать против духа «Рубайят» и волшебной ее власти. Но главное зло в том, что, к собственному, тем более — к нашему несчастью, эта великая книга нанесла сокрушительный удар общительности и радости. Кто-то сказал про Хайяма: «Печальный и счастливый старый перс». Печальным он был, счастливый — не был ни в каком смысле слова. Он враждебен радости больше, чем пуритане.

Мудрый и прекрасный перс лежит под розовым кустом со свитком стихов и чашей вина. Трудно поверить, что, глядя на него, кто-нибудь вспомнит темноватую комнату, где врач отмеряет бренди безнадежному больному. Еще труднее поверить, что это зрелище наведет на мысль об испитом подонке, хлещущем джин в кабаке. Тем не менее эти трое связаны воедино невеселыми узами.

Плохо не то, что Хайям воспевает вино, — плохо то, что он воспевает наркотические свойства вина. Он призывает пить с горя. Для него опьянение закрывает, а не открывает мир. Он пьет не поэтически, то есть не весело и не бездумно. Он пьет разумно, а это ничуть не поэтичнее банковской сделки и ничуть не приятнее слабительного.

Насколько выше — по чувству, не по стилю — старая застольная песня:

По кругу пустим чашу мы,
Пусть льется сидр рекою.

Ее пели счастливые люди, славя поистине хорошие вещи — душевную беседу и братство, и короткий досуг бедняков. Конечно, почти все высоконравственные нападки на Хайяма наивны и неверны, как всегда. Один ученый, к примеру, был так глуп, что обвинил его в атеизме и материализме. И то, и другое почти немыслимо для восточного человека — на Востоке слишком хорошо разбираются в метафизике.

На самом же деле христианин, читающий Хайяма, скажет, что он отводит не мало, а слишком много места Богу. Омар Хайям исповедует тот страшный теизм, чьи адепты не могут представить ничего, кроме Бога, и не знают ни человеческой личности, ни человеческой воли.

Не спрашивают мяч согласия с броском.
По полю носится, гонимый Игроком.
Лишь Тот, Кто некогда тебя сюда забросил, —
Тому все ведомо, Тот знает обо всём.

(Перевод И. Роднянской)

Христианский мыслитель — Августин или Данте — не согласится с этими строками, потому что они отрицают свободную волю, честь и достоинство души. Высочайшая мысль христианства не приемлет такого скепсиса не потому, что он подрывает веру в Бога, а потому, что он подрывает веру в человека.

«Рубайят» воспевает громче всех безрадостную погоню за наслаждением; но она не одна. Самые блестящие люди нашей эпохи зовут нас к тому же самому сознательному культу редких наслаждений. Уолтер Патер говорит, что все мы — приговоренные к смерти и нам остается наслаждаться прелестью минуты ради самой минуты.

Тому же учила нас убедительная и безотрадная философия Уайльда. Девиз этой веры — *saepe diem*¹; но исповедуют ее не счастливые, а очень несчастные люди. Великая радость не срыгает походя розовые бутоны — взгляд ее прикован к вечной розе, которую видел Данте.

Истинная радость исполнена духа бессмертия. Все великие комические книги — «Тристрам» и «Пиквик», например, — просторны и неподвластны гибели; читая их, мы чувствуем, что герои — бессмертны, а повествованию нет конца.

---

¹ лови день (*лат.*).

Конечно, острая радость нередко бывает короткой; но это не значит, что мы мыслим ее как короткую, преходящую и наслаждаемся ею «ради данной минуты». Тот, кто это делает, попытается осмыслить радость и ее разрушит. Радость — таинство, как вера, ее нельзя осмыслять. Представим себе, что человек испытывает истинную радость. Я говорю не об эстетике, взирающем на ценную эмаль, я имею в виду яростную, почти мучительную радость — миг восторга в первой любви или миг победы в бою.

Влюбленный радуется в эту минуту отнюдь не «ради минуты». Он радуется ради возлюбленной или на худой конец ради самого себя. Воин радуется не ради минуты, а ради знамени. Он может сражаться за глупое, ненужное дело, влюбленный может разлюбить через пять дней. Но в эту минуту знамя для воина — вечно, любовь для влюбленного — бессмертна.

Такие мгновения пронизаны вечностью; они дают радость именно потому, что не кажутся преходящими. Взгляните на них с точки зрения Патера — и они тут же станут холодными, как сам Патер и его стиль. Человек не может любить смертное, хотя бы на недолгий срок.

Чтобы понять ошибку Патера, вспомним его знаменитую фразу. Он хочет, чтоб мы горели пламенем, твердым, как рубин. Но в том-то и дело, что пламя не может быть твердым, его нельзя ни гранить, ни оправлять. Так и чувства человеческие нетверды и не похожи на камни; они опасны, как пламя, опасно трогать их и даже изучать. Чтобы наши страсти стали твердыми, как драгоценные камни, они должны стать холодными, как эти камни, — другого пути нет.

И самый сильный из всех ударов по простым человеческим радостям, самый смертельный — клич эстетов *carpe diem*. Для всех без исключения удовольствий и радостей нужен совсем другой дух — дух робости, привкус неуверенной надежды, ребяческого страха. Страсть невозможна, если нет чистоты и простоты; я говорю и о дурных страстях. Даже порок требует невинности.

Не будем говорить о том, как повлиял Хайям (или Фицджеральд) на дела другого мира. Сейчас нам важно, что этому миру он принес немалый вред. Пуритане, как я уже сказал, много веселей его. Новые аскеты, сторонники Торо и Толстого, куда жизнелюбнее — ведь как ни труден отказ от вина и роскоши, им остаются все простые радости, а главное — они не теряют способности радоваться.

Торо может радоваться закату и без чашки кофе. Толстого не радует брак — но он достаточно здоров духовно, чтобы радоваться чернозему. Отказавшись от самых примитивных удобств, можно наслаждаться природой. Куст хорош и для трезвого. Но ни природа, ни вино — ничто на свете не обрадует вас, если вы неправильно понимаете радость; а с Хайямом (или Фицджеральдом) случилось именно это.

Он не видит, что радость невозможна для того, кто не верит в вечную радость, заложённую в природе вещей. Нас не обрадует и падекатр, если мы не верим, что звезды пляшут нам в такт. Никто не может быть истинно весел, кроме серьезных людей. В конце концов человек может радоваться только сути вещей. Он может радоваться только вере.

Некогда люди верили, что звезды танцуют под их свирель, и плясали так, как никто не плясал с той поры. Мудрец «Рубайят» связан с этой древней языческой одержимостью не больше, чем с христианством. Духа вакханалии в нем не больше, чем духа святости. Дионис и его последователи знали радость бытия, серьезную, как у Уитмена. Дионис сделал вино не лекарством, а таинством. Иисус Христос тоже сделал вино таинством.

Для Хайяма вино — лекарство. Он пирует потому, что жизнь безрадостна; он пьет с горя. «Пей, — говорит он, — ибо ты не знаешь, откуда ты пришел и зачем. Пей, ибо ты не знаешь, куда и когда пойдешь. Пей, ибо звезды жестоки и мир крутится впустую, как волчок. Пей, ибо не во что верить и не за что бороться. Пей, ибо все одинаково гадко и одинаково бессмысленно». Так говорит он, протягивая чашу.

Но на высоком алтаре стоит Другой, тоже с чашей в руке. «Пей, — говорит Он, — ибо мир, как это вино, пламенеет багрянцем любви и гнева Господня. Пей, ибо ангел поднял трубу, выпей перед боем. Пей, Я знаю, куда и когда ты пойдешь. Пей это вино — кровь Мою Нового Завета, за вас изливаемую».

**ПЕРЕВОДЫ
К. Д. БАЛЬМОНТА**

*Мирза Али.
Охотничий привал, деталь.
Сокольничий. 1575 г.*

Грядущий день и прошлый день
Меня не беспокоят,
Но в этот день, в текущий день
Мне струны песню строят.

Этот ценный рубин — из особого здесь рудника,
Этот жемчуг единственный светит особой печатью,
И загадка любви непонятной полна благодатью,
И она для разгадки особого ждет языка.

Ты весь мир обежал, всё, что ты увидал, есть ничто,
Всё, что видел кругом, всё, что слышал кругом, есть ничто.
Ты весь мир обошел, что ж ты в мире нашел? О, ничто.
Ты вошел в свой покой, в домик маленький твой, он ничто.

Если в лучах ты надежды, сердце ищи себе, сердце,
Если ты в обществе друга, сердцем гляди в его сердце,
Храм и бесчисленность храмов меньше, чем малое сердце,
Брось же свою ты Каабу, сердцем ищи себе сердце.

Когда я чару взял рукой и выпил светлого вина,
Когда за чарою другой вновь чара выпита до дна,
Огонь горит в моей груди, и как в лучах светла волна,
Я вижу тысячу волшебств, мне вся Вселенная видна.

До тебя и меня много сумерек было и зорь,
Не напрасно идет по кругам свод небес золотой.
Будь же тщателен ты, наступая на прах, — этот прах
Был, конечно, зрачком, был очами красы молодой.

Когда я пью вино — так не вино любя,
Не для того, чтоб всё в беспутстве слить в одно,
А чтоб хоть миг один дышать во вне себя,
Чтоб вне себя побыть, затем я пью вино.

Древо печали ты в сердце своем не сажай,
Книгу веселья, напротив, почаще читай.
Зову хотенья внимай и на зов отвечай,
Миг быстротечный встречай и лозою венчай.

Поток времен свиреп, везде угроза,
Я уязвлен и жду все новых ран.
В саду существ я сжавшаяся роза,
Облито сердце кровью, как тюльпан.

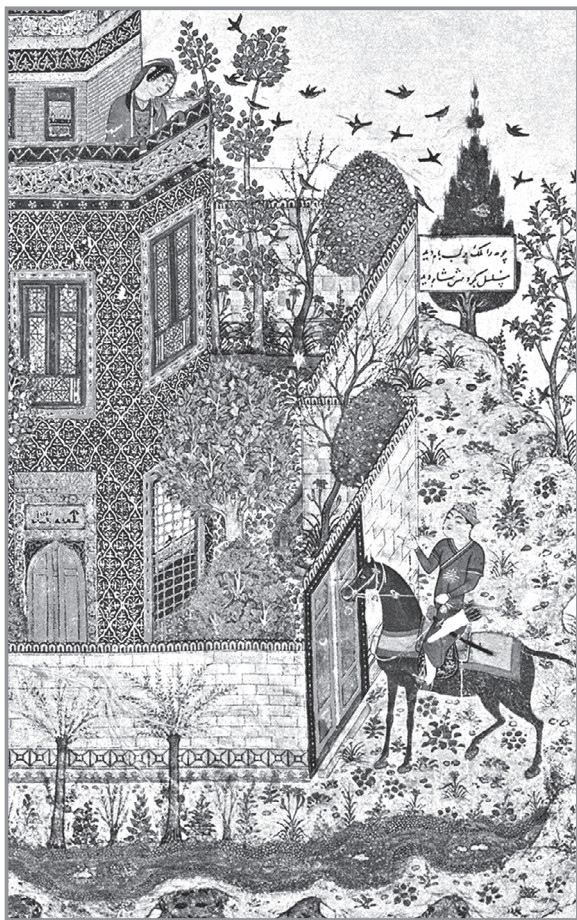

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.

Плакала капля воды: «Как он далек, Океан!»
Слушая каплю воды, смехом вскипел Океан.
«Разве не все мы с тобой?» — капле пропел Океан.
«Малой раздельны чертой», — капле гудел Океан.

ПЕРЕВОДЫ
А. Е. ГРУЗИНСКОГО

*Нитау в замке Хумаюна.
Багдад, XIV в.
Автор неизвестен*

Бери от жизни всё, что в силах взять,
Пока сойдешь туда, где низок, тесен
Твой будет дом, и без вина, без песен,
Как прах, во прахе будешь ты лежать.

Единый вздох — от веры до сомненья,
И от сомненья к вере — только вздох.
Да будет дорого тебе мгновенье,
Ведь этот вздох — весь жизненный итог.

Пред нами дверь — и к ней затерян ключ,
Кругом навис густой покров из туч;
Пять слов беседы меж тобой и мной, —
Еще мгновенье — нет и нас с тобой.

Я трезв — нет полноты в моем веселье,
А пьян — чего-то нет в уме моем;
Сажу меж тем и этим, точно в келье:
Как раз мы это жизньню зовем.

В мечети, в храме, в синагоге
Боятся ада, ищут рай...
Мудрец, ведь тайны Божьи многи —
О пустяках не размышляй!

Что знал ты в мире, всё — пустое,
Что сделал и сказал, — ничто,
Ты странствовал иль жил в покое, —
Всё — всё равно и всё ничто!

Вновь плачет облако на бархат луга...
Трава нас веселит, но — боже мой!
Кого *та* зелень усладит собой,
Что вырастет из нас?.. — Вина, подруга!

Создатель мог, конечно, знать,
Каких от нас поступков ждать:
Мои грехи — его создание, —
За что ж грозит мне наказанье?

Я юности книгу прочел, закрываю, —
Исчезла моя золотая весна...
Когда ж улетела та птица, не знаю,
Что радостью жизни была названа?

Пускай сейчас твоя душа не тужит, —
Ты будешь вечной мукою томим:
Кирпич из праха твоего послужит
Для выстройки домов другим.

Рай — лишь мечта, желаний достиженье,
И ад — лишь тень души в огне стремленья.
Всего прочней ничтожество, где мы
Все тонем, лишь поднявшись на мгновенье.

Есть много вер, и все несхожи...
Что значит — ересь, грех, ислам?..
Любовь к тебе я выбрал, Боже,
Все прочее — ничтожный хлам.

Цель мира — мы; так скажет мудрый:
Весь мир, сомкнувшийся кольцом,
Есть только перстень изумрудный,
А мы — резьба на камне том.

Ты, сотворивший нас добычей тленья
И даже в рай впустивший искушенье, —
За все грехи, что наш пятнают лик,
Прости нам, — и от нас прими прощенье.

Сто лет я жил, греха не зная,
На мне Господня благодать;
Хочу жить дальше согрешая, —
Его терпенье испытать.

Где тот, кто здесь не согрешает,
И как он мог прожить хоть час?
Я зол — Бог зло меня карает:
Так в чем же разница меж нас?

Напрасно людям, зло творившим,
У Бога милости просить:
Чтоб стало бывшее небывшим,
Того не может быть!

Одной души страданье успокоить,
Ее себе добром поработить —
Стократ важней, чем целый мир устроить
И тысячу рабов освободить.

Ты скрылся в неприступную обитель,
И в разных формах бытия
Сверкает в мире мощь твоя —
Сама себе и зрелище и зритель.

Тиран-судьба! твоих загадок
Не в силах люди разгадать,
Тебе обычай злобный сладок —
На раны раны возлагать.

За чашу я держусь привычною рукой,
Мне с кафедры читать Коран не подобает:
Всегда подмочен я, а ты — ханжа сухой, —
Так кто из нас в аду скорее запылает?

Ну да, я пью вино и, может быть,
Не заслужу от Бога порицанья:
Он знал, кто я, — коль мне не пить,
Чего ж бы стоило Его всезнанье?

Зачем ты над загадкой жизни бился,
Тоскою и сомненьем удручен?
В конце концов, как мир творился,
Ты на совет ведь не был приглашен.

О переводчиках

Константин Дмитриевич БАЛЬМОНТ (1867–1942) — один из самых популярных поэтов начала XX века, критик, эссеист, переводчик. Автор поэтических сборников «Горящие здания» (1900), «Будем как Солнце» (1903), «Зеленый вертоград» (1909), «Белый зодчий» (1914) и др. Покинул Россию в 1920 г., до конца жизни прожил во Франции. Был чрезвычайно плодовитым переводчиком (французская, испанская, немецкая, польская, древнеиндийская, грузинская поэзия).

Тексты печатаются по: Русская мысль. 1910. №4.

Алексей Евгеньевич ГРУЗИНСКИЙ (1858–1930) — профессор Московского университета, исследователь русского народного творчества и этнографии, автор очерков по истории русской и западноевропейской литературы, председатель Общества любителей российской словесности. Переводил произведения Низами, Р. Тагора, арабские сказки.

Тексты печатаются по: Памяти П. Н. Сакулина: Сборник статей. М., 1931.

Леонид Сергеевич НЕКОРА (1886 —?) — известный востоковед, преподаватель, знаток таджикско-персидской поэзии, переводил также произведения классической европейской литературы (Шекспир); во второй половине 1930-х гг. был арестован, реабилитирован посмертно в 1999 г. Переводы Омара Хайяма выполнял по тексту одной из старейших рукописей, неоспоримо считающейся подлинной и хранящейся в библиотеке Бодлеаны в Оксфорде.

Тексты печатаются по: Восток. М.; Л., 1935. Сб. 2.

Иван Иванович ТХОРЖЕВСКИЙ (1878–1951) — юрист, государственный деятель, активно участвовавший в проведении столыпинской реформы сельского хозяйства, автор поэтических сборников «Облака» (1908) и «Дань солнцу» (1916). Переводил французских и итальянских лириков. В 1919 г. выехал из России в Финляндию, а позже во Францию, где и прожил до конца дней;

сотрудничал в русской эмигрантской прессе. В его переводах рубаи классика таджикско-персидской литературы стали широко известны русскому читателю. При этом часть из них является переводом непосредственно рубаи Омара Хайяма, часть — переводом строф поэмы Э. Фицджеральда «Рубайат Омара Хайяма», а часть написана по мотивам четверостиший Хайяма или вовсе созданы самим переводчиком.

Тексты печатаются по: *Гулиа Г.* Сказание об Омаре Хайяме. М., 1975.

Илья Львович СЕЛЬВИНСКИЙ (1899—1968) — писатель, поэт, драматург, один из лидеров группы конструктивистов. Автор поэтических сборников «Рекорды» (1926), «Декларация прав поэта» (1930) и др., романа в стихах «Пушторг» (1928), стихов времен Великой Отечественной войны (сборник «Крым. Кавказ. Кубань», 1947), ряда пьес, а также исследования по теории поэзии «Студия стиха» (1962).

Тексты печатаются по: *Таджикская поэзия.* Душанбе, 1949.

Владимир Васильевич ДЕРЖАВИН (1908—1975) — поэт, переводчик; учился на факультете живописи ВХУТЕМАСа. В 1936 г. опубликовал поэтический сборник «Стихотворения», в дальнейшем полностью посвятил себя художественному переводу. Перевел эпические сказания народов СССР, в том числе эстонский эпос «Калевипоэг» (совместно с В. Кочетковым), произведения Низами, Хагани, Фирдоуси, Саади, Хорезми, Навои, В. Пшавелы, И. Франко, Я. Райниса, О. Туманяна, М. Джагиля и др.

Тексты печатаются по: *Омар Хайям.* Рубаи. М., 1972.

Глеб Сергеевич СЕМЁНОВ (1918—1982) — поэт, переводчик, руководитель объединений и студий молодых литераторов, воспитавший немало известных поэтов; окончил химический факультет Ленинградского университета. Автор поэтических сборников «Свет в окнах» (1947), «Плечом к плечу» (1952), «Отпуск в сентябре» (1964), «Встречи с Италией» (1971), «Сосны» (1972), «Стихотворения» (1979). Переводил стихи народов Севера, чешских, словацких, болгарских, белорусских поэтов. Его переводы Омара Хайяма, наряду с переводами Г. Плисецкого, считаются лучшими в отечественной литературе.

Тексты печатаются по: *Омар Хайям.* Любовный напиток: Рубаи. СПб., 2010.

Содержание

<i>Омар Хайям. Биографический очерк</i>	3
<i>Г. К. Честертон.</i> <i>Омар Хайям и лоза виноградная</i>	6
Переводы К. Д. Бальмонта	11
Переводы А. Е. Грузинского	15
Переводы Л. С. Некоры	23
Переводы И. И. Тхоржевского	43
Переводы И. Л. Сельвинского	69
Переводы В. В. Державина	75
Переводы Г. С. Семенова	149
<i>Глоссарий</i>	183
<i>О переводчиках</i>	190